

**В. А. Козлов
М. Е. Козлова
Ф. Бенвенути**

ПАРАДОКСЫ ЭТНИЧЕСКОГО ВЫЖИВАНИЯ

**Сталинская ссылка и репатриация
чеченцев и ингушей
после Второй мировой войны**

Марина Козлова

**Парадоксы этнического
выживания. Сталинская ссылка
и репатриация чеченцев и
ингушей после Второй мировой
войны (1944—начало 1960-х гг.)**

«Нестор-История»

2016

УДК 947
ББК 63.3(2)6

Козлова М. Е.

Парадоксы этнического выживания. Сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944—начало 1960-х гг.) / М. Е. Козлова — «Нестор-История», 2016

ISBN 978-5-4469-0958-2

Книга посвящена парадоксальной эпохе взаимоотношений вайнахов и советского государства. Исследование открывается описанием утопических попыток коммунистической власти воплотить старую имперскую мечту: выселить «беспокойных» чеченцев и ингушей за пределы Северного Кавказа, заселить освободившиеся территории более «спокойными» народами, а в местах спецпоселений создать новый «осовеченный», подконтрольный НКВД атомизированный этнос. Заканчивается книга историей возвращения вайнахов на Кавказ в 1950-е гг., рассмотрением социокультурных проблем восстановления чечено-ингушской автономии.

УДК 947
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-4469-0958-2

© Козлова М. Е., 2016
© Нестор-История, 2016

Содержание

От авторов	6
Глава 1	10
Глава 2	14
2.1. Депортация: конфликт интерпретаций	14
2.2. Стресс адаптации и кризис административного попечительства	17
2.3. «Второй авторитаризм»: механизм этнической саморегуляции чеченцев и ингушей на спецпоселении	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Владимир Козлов, Марина
Козлова, Франческо Бенвенути
Парадоксы этнического выживания.
Сталинская ссылка и репатриация
чеченцев и ингушей после Второй
мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.)**

© В. А. Козлов, 2016

© М. Е. Козлова, 2016

© Ф. Бенвенути, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

От авторов

Наша новая книга¹ посвящена парадоксальной эпохе взаимоотношений вайнахов и советского государства. Она открывается описанием почти десятилетних утопических попыток советской власти воплотить старую имперскую мечту: выселить «беспокойных» чеченцев и ингушей за пределы Северного Кавказа, заселить освободившиеся территории более «спокойными» народами, в первую очередь русскими, а в местах спецпоселений – в степях и горах Казахстана и Киргизии – создать (практически на голом месте) новый «ответченный», подконтрольный НКВД атомизированный этнос. Заканчивается книга историей реабилитации и репатриации чеченцев и ингушей (как организованной, так и стихийной), триумфальным, во всяком случае с точки зрения вайнахов, возвращением в 1950-е гг. к могилам предков, статусным этническим повышением (восстановление чечено-ингушской автономии) и упорным выдавливанием чужаков из родных селений. Неудержимый порыв вайнахов из Казахстана и Киргизии на Кавказ в 1950-е гг., как благодаря, так и вопреки планам и предназначениям начальства, был воспринят чеченцами и ингушами как событие эпохальное, как результат упорного сопротивления. Благодарить за это советскую власть они были готовы лишь в самую последнюю очередь.

После возвращения вайнахов из ссылки начался относительно долгий, в каком-то смысле беспрецедентно долгий спокойный период во взаимоотношениях вайнахов с центральной властью.

Это время отличалось постепенным «вписыванием» чеченцев и ингушей в структуры советского (российского) социума. Требования большей независимости и желание следовать собственным обычаям и порядкам были несколько отодвинуты на второй план цивилизационным воздействием метрополии, которая, в отличие от имперских времен, обнаружила готовность не только *брать* у вайнахов или, подобно М. Т. Лорис-Меликову, перекладывать на местное население «издержки военно-политической стабильности – через местные налоги, бесплатные работы на дорогах и т. д.»¹, но и *давать* им (в лице их воссозданной государственности) не только чины, эполеты и привилегии для элит, но и электричество, газ, субсидии, дороги, образование, квоты при поступлении в высшие учебные заведения, медицинское обслуживание и т. д.

Ссылка, которая принесла столько страданий, но особенно последовавшая за ней репатриация несколько расширили условный ареал существования этноса, его обозримую и обозреваемую реальность. Вайнахи начали выходить, сначала под давлением обстоятельств, а затем с большим или меньшим желанием из автохтонной ниши в мир незнакомый, порой враждебный, но полный новых связей и возможностей. Именно после ссылки несколько ослабло напряжение в пространстве противоборствующих мифов – о конфликтных чуть ли не от природы вайнахах и о российской имперской власти, якобы обреченной вечно нести в себе ген тотального насилия.

История взаимоотношений вайнахов с империей, большой Кавказской войны, «освоения» и хозяйственной колонизации Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в. отражена в огромном количестве содержательных работ². Гораздо меньше исследований, причем заведомо

¹ Эта работа была написана в рамках большого международного исследовательского проекта, посвященного взаимоотношениям чеченцев и ингушей с Россией и СССР с конца XVIII до середины XX в. (См. «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)» / авторский коллектив: В. А. Козлов (руководитель), Ф. Бенвенути, М.Е. Козлова, П.М. Полян, В. И. Шеремет; составители и авторы комментариев к документам: И.А. Зюзина (ответственный составитель), В.А. Козлов и М.Е. Козлова (раздел V–VI), Н.Л. Поболь и П.М. Полян (раздел II–IV), Т.И. Царевская-Дякина, В. И. Шеремет (раздел I)). М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2011. – 1094 стр.: карты. Цитаты из выявленных и опубликованных авторами документов даются по вышеназванному изданию (разделы IV–VI).

худшего качества, было в советское время посвящено эпохе революции и Гражданской войны³, времени так называемого «социалистического строительства», а также хрущевской «оттепели» и брежневского «развитого социализма»⁴. Написанные в имперской или советской парадигме, а во втором случае еще и переполненные передержками и умолчаниями, эти работы все-таки обеспечивали исследователей и просто любознательных читателей определенным количеством полезного фактического материала.

В последнее время к этим относительно изученным периодам добавились предыстория и история насильственной депортации чеченцев и ингушей в 1944 г. (операция «Чечевица»). Надо сказать, что над историей «Чечевицы», как и других спецопераций по выселению «провинившихся» и/или «подозрительных» народов, исследователи интенсивно работали с конца 1980-х гг., и условия их работы кардинально отличались от условий работы предшественников. Во-первых, уже существовала диссидентская историографическая традиция, вершиной которой стали воспоминания А. Авторханова и написанная в первой половине 1970-х книга А. Некрича «Наказанные народы»⁵. А во-вторых, в 1990-х гг. значительная часть источников была рассекречена и стала доступна исследователям. В результате появились фундаментальные, во всяком случае достаточно пространные и наполненные неизвестными ранее фактами, работы по истории депортаций⁶.

На фоне очевидных историографических и археографических достижений последнего времени досадным белым пятном выглядит история чеченцев и ингушей с 1944-го до начала 1950-х гг. В советское время эта засекреченная история превратилась под гнетом цензуры и политики в первую очередь в историю Грозненской области, заселенную после депортации вайнахов и ряда других народов Северного Кавказа преимущественно русскоязычным населением. Доступ к источникам был открыт лишь с началом горбачевской перестройки. Поначалу немногие авторы испытали острое желание копаться в завалах документов, созданных в недрах советских учреждений, ответственных за контроль, надзор и «попечение» о спецпоселенцах, в том числе ингушах и чеченцах⁷.

Мы же были убеждены, что вайнахов, исчезнувших с политической карты Северного Кавказа больше чем на 10 лет, следовало в первую очередь вернуть истории. Этим непростым делом и занялись авторы публикуемой книги, едва перед ними открылся доступ к ранее секретным документам Государственного архива Российской Федерации – фондам Советов министров СССР и РСФСР, Верховных советов СССР и РСФСР, Прокуратуры СССР, Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР, а также материалам так называемых «особых папок» Секретариата НКВД (МВД) СССР, содержащих наиболее значимую информацию, предназначенную для И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущева, к данным отдела специальных поселений (ОСП) МВД СССР. Архивы Чечено-Ингушской АССР, к сожалению, погибли во время последних чеченских войн и в настоящее время восстанавливаются по дубликатам, сохранившимся в федеральных и местных архивах.

Авторы этой книги были в числе первых, кто посвятил себя профессиональному историческому исследованию проблемы⁸. А после начала проекта «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)» мы надолго погрузились в архивные документы, посвященные *terra incognita* – истории вайнахской ссылки (1944–1953 гг.).

Очевидно, что объективный анализ отношений вайнахов и государства в годы расцвета советского «либерального коммунизма», а для авторов этой книги таким периодом всю жизнь была и остается «оттепель» (вторая половина 1950-х – 1968 г.), время их юности и несбывшихся романтических надежд, предполагает выяснение потребностей, интересов, ценностей, мифов и взаимных заблуждений сторон. Мы уверены, что объективность не означает отказа от оценок и выводов, а напротив, предполагает их. Другое дело, что в академической науке, в

отличие от обыденного сознания, оценочные суждения могут и должны относиться не к «поведению», «характеру» или «врожденным свойствам» субъектов отношений, а к самим отношениям, их выстроенности, целесообразности, «политической корректности» и юридической обоснованности.

Первоначально исследование шло в рамках конфликтологического анализа разнообразных ситуаций и насильственных столкновений, возникавших накануне, во время и особенно после репатриации вайнахов на Северный Кавказ. Вершиной этих конфликтов стали многодневные античеченские волнения в Грозном в 1958 г., а также антиингушский погром в поселке Джетыгара на целине (1960 г.), подробно описанные в наших работах⁹. При этом сам по себе конфликт, понимаемый как противостояние сторон при несовместимой разнице целей (Ральф Дарендорф¹⁰), авторы не считали ни аномалией, ни социальной болезнью. Это естественная форма исторического процесса, органическое общественное состояние, обладающее очевидным конструктивным потенциалом, но способное при определенных условиях перерастать (или не перерастать) в открытое (или скрытое), активное (или пассивное) столкновение или противодействие – вплоть до войны и террора.

Вслед за Л. Коузером¹¹ мы исходим из того, что конфликт способен оказывать на социум положительное воздействие, выявляя и фиксируя различие потребностей и интересов и заставляя искать компромиссы. Поиск подобных компромиссов – дело политиков. В случае же политических провалов конфликт неизбежно вступает в насильственную фазу, он не разрешается, а подавляется, ситуация оценивается в терминах «победа или смерть», «мы или они», основным «миротворцем» выступают полицейские силы и/или армия, с одной стороны, и этнические вооруженные группировки, с другой. Формируются новые субъекты конфликта, в принципе неспособные на компромисс.

Если исключить из рассмотрения как заведомо неприемлемые политические модели, предполагающие уничтожение/исчезновение одной из противоборствующих сторон (в этнополитических конфликтах это означает геноцид или насильственную ассимиляцию), то разрешение конфликта возможно только при обоюдном глубоком пересмотре заявленных целей и доминирующих культурно-ценностных систем, на которых эти цели основаны. При этом политические решения, даже радикальные, могут способствовать или препятствовать подобному пересмотру, но по сути своей он (этот пересмотр) не может быть не чем иным, как длительным культурным взаимодействием. Стать лидером такого процесса больше шансов у того, кто заведомо сильнее, но только в том случае, если его *modus vivendi* достаточно привлекателен для уступающей/отступающей стороны и он может не только предложить/навязать лидерство и дополнительные возможности и ресурсы, но и продемонстрировать собственную способность изменяться и адаптироваться к новой реальности.

Авторы книги надеются, что знакомство с представленным историческим материалом станет для людей, наделенных властью, влиянием и просто здравым смыслом, своеобразным сеансом социального психоанализа. Эти материалы помогают высветить темные закоулки исторической памяти народов, найти точки совместимости, рационализировать конфликт, перевести его историческую подоплеку из сферы коллективного подсознательного в область понимания и прагматики.

В силу банальной причины – недостаточности адекватной исследовательским задачам Источниковой базы, плотно замотанной в колючую проволоку из государственной тайны полувековой давности, – мы вынуждены были завершить наше исследование концом 1950-х – началом 1960-х гг. XX в.

Для полноценной характеристики более поздних событий авторы не располагали необходимым и достаточным количеством документов, хоть сколько-нибудь сопоставимых по информационной ценности с материалами предшествующих периодов. Остается надеяться,

что досадная лакуна – феномен мирной советской Чечни 1960-х – первой половины 1980-х гг. – будет заполнена будущими историками по мере рассекречивания архивных документов.

Глава 1 написана Ф. Бенвенути, главы 2, 3 и 4 – В. А. Козловым и М. Е. Козловой; «Вместо заключения» – В. А. Козловым; текст «От авторов» подготовлен авторским коллективом совместно.

Глава 1

Россия, Запад и Чечня

Образованная Европа узнала о чеченцах в XIX в. Литературные произведения Лермонтова, Пушкина и Толстого о Кавказской войне создали в сознании европейцев романтический образ живописных и диких горцев. В те легендарные времена шейха Мансура, прославившегося борьбой с российской экспансией на Северный Кавказ, считали на Западе чуть ли не итальянским авантюристом, принявшим ислам. Но более важно, что в 1786 г. будущий европейский революционер Филиппо Буонаротти назвал Мансура автором программы религиозных и социальных реформ, вдохновленных идеями Просвещения¹². А в прославленном имаме Шамиле, лидере Чечни и Дагестана в войне с Россией, ставшем национальным символом ряда народов Северного Кавказа, романтическая европейская интеллигенция увидела сходство с такими героями национально-освободительных движений, как алжирец Абд-эль-Кадер и даже итальянец Джузеппе Гарибальди¹³. Потом о Чечне почти забыли. Лишь после доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС наиболее информированная и политизированная часть западной общественности узнала о трагедии чеченцев и ингушей, которые вместе с другими малыми народами Северного Кавказа были названы жертвами сталинских репрессий. Но это указание на участь вайнахов терялось в кошмаре прочих сталинских преступлений, перечислявшихся после 1956 г. в обширной западноевропейской и американской литературе по истории СССР¹⁴.

Мировая известность вернулась к Чечне в результате двух войн, развернувшихся на ее территории – в 1994–1996 гг. и осенью 1999 г. В боевые действия были вовлечены две российские армии, воевавшие против множества локальных вооруженных формирований, начавших играть в 1995–1996 гг. роль национально-освободительной армии. Первая война произвела на западное общественное мнение особое впечатление. Из-за тогдашней российской военной тактики, весьма безжалостной, безнадежно ошибочной и в конечном счете безрезультатной, эта война сопровождалась большим количеством жертв среди мирного населения (как чеченцев, так и русских). Российские и международные агентства, как политикодипломатические, так и неправительственные, пристально следили за боевыми действиями. Ход войны детально освещали западные средства массовой информации. Драматические чеченские события 1990-х гг. дали достаточно пищи для размышлений как о правах человека в новой России, особенно на Северном Кавказе, так и для анализа возможных дестабилизирующих геополитических последствий войны в Чечне на обстановку в Евразии.

Энергичные западные журналисты, писавшие хронику военных действий в основном с колокольни чеченских националистов, впоследствии подробно запечатлели свой специфический опыт¹⁵. Многие авторы подобных публикаций стремились дать читателю представление и об исторической подоплеке северокавказской драмы. В своих попытках они опирались на более или менее достоверные научные знания, накопленные западной наукой на протяжении XX в.¹⁶ Как оказалось, западная историография Чечни отнюдь не была исчерпывающей, если не сказать больше. Подробные и основательные описания войн и восстаний XVIII–XIX вв. соседствовали с относительно правдоподобными и весьма краткими реконструкциями истории чеченцев при советской власти¹⁷. Эти работы представляли собой главным образом историю имперских, большевистских и сталинских преследований чеченцев и других национальностей бывшей Российской империи. Хронологически западные исследования заканчивались, как правило, историей массовых депортаций с Кавказа чеченцев, ингушей и некоторых других соседних с ними народов. Немало внимания уделялось исламскому фактору, который постоянно поддерживал чеченское сопротивление, – от распространения мюридизма до ваххабизма.

Даже принимая во внимание трудности доступа западных историков к имперским и советским архивам вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., следует отметить отсутствие оригинальных работ, освещающих другие аспекты чечено-российских отношений, или попыток углубленного исследования чеченского общества (сообщества), его политической, экономической, культурной и особенно религиозной эволюции под постоянным воздействием российского (советского) государства. Практически ничего не знаем мы и об истории чеченской диаспоры. Чеченцы живут не только в российских столицах – Москве и Санкт-Петербурге, но и в районах восточнее Урала, а также на Среднем Востоке, куда тысячи чеченцев (вместе с другими народами Северного Кавказа, например, черкесами) были вытеснены царскими войсками после поражения имама Шамиля¹⁸. Очевидно, что только адекватный исторический анализ развития чеченского общества может дать нам инструментальное знание, позволяющее объяснить коллективное поведение чеченцев и ингушей после включения Чечни в состав Российской империи, когда в вайнахское сообщество начали проникать социальные и экономические институты, отличные от традиционных.

Экономический бум последних двух десятилетий XIX в., бурный рост нефтяной промышленности на территории Чечни сопровождался развитием Грозного как современного города и столицы региона, возникновением местного предпринимательского класса и интеллигенции. Следует всё же заметить, что даже в советский период с промышленным производством и массовыми городскими профессиями было связано не больше трети местного населения. Большинство продолжало заниматься сельским хозяйством, кустарными промыслами и мелкой торговлей. Исследователям еще предстоит разобраться в том, как и до какой степени эти особенности социальной и экономической структуры (необычной для СССР, особенно после Второй мировой войны) повлияли как на формирование тенденции к интеграции в советский контекст, так и на противодействие этой интеграции. Подобный анализ может быть продолжен вплоть до времени, последовавшего за распадом СССР, чтобы понять глубинные процессы, благодаря которым круг возможных решений чеченского национального кризиса был предельно сужен активностью локальных политических группировок и традиционалистскими пережитками в массовом сознании.

По мере приближения к современности сложный процесс включения вайнахов в ткань великого евразийского государства приобретал всё более драматический и трагический характер. Политические проекты Российского государства в отношении Чечни часто оказывались адской смесью из наиболее спорных идей социального прогресса, возникших в европейской общественной мысли XIX в., с одной стороны, и радикальных версий традиционного деспотизма, бюрократизма, великодержавности и имперского экспансионизма, с другой. Причины растущего интереса мирового научного сообщества к истории Чечни, какими бы эмбриональными ни казались нам современные знания об этом предмете, в принципе несложно определить. История Чечни с конца XVIII в. (по меньшей мере) является частью истории колониализма и европейской экспансии в мире. Она важна для изучения закономерностей развития великих континентальных империй – России, Австро-Венгрии

Габсбургов и Османской империи, не имевших явно выраженных границ между метрополиями и новыми территориями. Плодородные равнины северной Чечни были с конца XVII в. предметом конфликта между местным населением и казаками, ставшими проводниками православия и российской государственности на всем протяжении южных и восточных границ молодой империи. В течение десятилетий, прошедших после начала XVIII в., политическая устойчивость и неохотное согласие местных элит с русским военным присутствием в стратегических точках Кавказа, включая крепости, построенные на подступах к горной части Чечни, стали необходимой предпосылкой русского доминирования в Грузии, Дагестане и на западном побережье Каспийского моря – в районах, открытых для военного вмешательства Османской, Персидской, а позднее и Британской империй.

История Чечни и Ингушетии – частный случай в истории сопротивления народов колонизации со стороны великих держав и модернизации европейского типа. После выхода из череды кавказских войн в начале 1860-х гг. влиятельные группы чеченского общества утвердились в мысли о приемлемости вооруженной борьбы как средства полной или частичной ревизии результатов завоеваний или получения надежных гарантий сохранения или восстановления традиционных форм жизни своего этноса. Частично это было продуктом религиозного пыла, всегда тлеющего в Чечне, а время от времени вспыхивающего в форме джихада. Даже под пятой особенно жесткого режима управления, созданного при советской власти, большая часть чеченского общества стремилась (и часто получала искомое) к увековечению своего традиционного образа жизни под камуфляжем «советизации».

В свое время Шамиль столкнулся с серьезными трудностями, пытаясь распространить среди чеченцев нормы шариата взамен обычного права – адата. В литературе высказываются даже предположения, что сопротивление чеченских кланов навязыванию шариата как единственной нормы жизни было в числе причин, по которым противодействие чеченцев русской армии во время Кавказской войны, в конце концов, несколько пошло на убыль. Религия, безусловно, сыграла выдающуюся роль в чеченской истории. И в этом чеченская проблема тесно связана с родственным историческим феноменом – мусульманским возрождением последних десятилетий XX – начала XXI в., равно как и с периодически накатывающими на мир волнами исламского сопротивления и терроризма. Но эта проблема имеет и вполне самостоятельное значение и смысл. Не только и не столько «исламский фактор» сам по себе способен объяснить природу длительного и упорного сопротивления чеченцев России и ее экспансии. Не меньшее (по крайней мере) значение имело постоянное и глубокое пренебрежение как царской, так и советской власти – к чеченцам. Страдания и унижения, экономическая отсталость консервировали у каждого чеченца самоощущение воина, с незапамятных времен находящегося в состоянии перманентной войны, сплавляя «антирусскость» с традиционными («архаичными») моральными ценностями и нравами (чеченская «свобода»), исламским сознанием и повышенной национальной чувствительностью.

В противоположность большинству случаев успешного строительства новых государств на территории бывшего СССР (за исключением еще, может быть, Таджикистана) формирование устойчивого государственного образования в Чечне долгое время было заблокировано обстоятельствами, которые можно считать только косвенным последствием военного противостояния России. Дело еще и в исторически сложившейся диспропорции между национальным самосознанием, этнической чувствительностью и продолжительной борьбой за независимость, с одной стороны, и способностью этноса подкрепить свои ожидания и надежды организацией прочного и органичного общества и стабильных государственных институтов, с другой. Не исключено, что традиционная социальная структура и общественный уклад чеченцев поддерживали себя только благодаря тому, что Чечня упорно сопротивлялась своему включению в российскую (советскую) политическую и социальную систему. При том что традиционные социальные и культурные формы являлись эффективной основой чеченского сопротивления, они в то же время препятствовали развитию легитимной и прочной чеченской государственности.

В заключение следует сказать, что далекие события – сталинская депортация чеченцев и ингушей в Казахстан и Центральную Азию в 1944 г. – оказались трагически созвучны критическим событиям мировой истории конца XX – начала XXI в. С одной стороны, этот эпизод жестокого и грубого национального и социального управления привлекает наше внимание к истории советской национальной политики, ее основополагающим формам разнообразным воплощениям в зависимости от времени и места, другой стороны, встает вопрос об особенностях чечено-ингушской депортации, о месте, которое она занимает в ряду многочислен-

ных этнических чисток, насильственных депортаций и геноцида, заливавших кровью Европу и Евразию с конца XIX в.

Глава 2

Специальные поселения как бюрократическая мечта. 1944–1953 гг

2.1. Депортация: конфликт интерпретаций

Решение о депортации чеченцев и ингушей власти мотивировали реальной и потенциальной опасностью чечено-ингушского сопротивления в условиях войны: «Многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти». К этому добавлялись прошлые грехи вайнахов перед режимом – участие «в вооруженных выступлениях против советской власти» в течение продолжительного времени¹⁹. После смерти Сталина историки коммунистической партии объявили «справедливое наказание» наказанием несправедливым. «Заклятый враг партии и народа Берия, – писал, например, В. И. Филькин в 1960 г., – совершенно несправедливо приписал действия жалких вырождков всему чеченскому и ингушскому народу и в условиях культа личности, усугубленных военным временем, добился ликвидации их автономии»²⁰. Это одна из немногих книг того времени, где хотя бы упоминается о депортации. Недаром ее активно использовал А. Некрич в своей известной работе о «наказанных народах»²¹. В советских «обобщающих историях» Чечено-Ингушетии период 1944–1955 гг. просто пропускали. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация вполне вписывалась в идеологическую логику власти. Политически целесообразная концепция «несправедливого наказания» позволяла обходить или замалчивать острые углы истории чечено-ингушского сопротивления советскому режиму в 1930-1940-е гг. А признавать факты массового этнического сопротивления значило по сути дела отрицать легитимность режима, основанного на гипотетическом идейно-политическом единстве «советского народа». Гораздо проще было списать острейшую проблему в разряд «вредительства» Берии и «культа личности Сталина».

Нынешние российские исследователи полагают, что депортация вайнахов не определялась «какими-то националистическими установками», а имела под собой прежде всего «идеологические и политические основания», к этому иногда добавляют несколько слов о «национально-политическом конфликте, возникшем в советском обществе»²². В любом случае проблема рассматривается в современной отечественной историографии весьма узко. В большинстве случаев она не выходит за рамки приятия или неприятия старых сталинских формулировок. Вряд ли можно считать расширением контекста и различные «иррациональные» объяснения этнических депортаций, которые, как выразился однажды В. А. Тишков, «даже трудно объяснить какими-либо мотивами, кроме как безумными геополитическими фантазиями «вождя народов» или его «маниакальной подозрительностью»»²³. Что касается конкретно-исторических исследований, то в них один и тот же автор, например Н. Ф. Бугай, может то называть депортации превентивной мерой военного времени, примененной к «неблагонадежным» этносам, то ставить решения 1944 г. в более общий (неситуативный) контекст репрессивных мер государственной политики в сфере национальных отношений в 20-40-е гг. XX в.²⁴, не прописывая до конца ни один из заявленных подходов, предпочитая погружение в эмпирическую безбрежность глубине общесоциологического анализа.

Гораздо выше эвристический потенциал концепции П. Поляна, рассмотревшего депортации как целенаправленные действия государственной власти в этносоциальном контексте принудительных миграций. По мнению Поляна, «за века движущие мотивы применения принудительных миграций принципиальных изменений не претерпели: за ними стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Политические мотивы – предотвращать восстания, рассекать недовольство, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения или вселения и т. д. – чаще бывают приоритетными, но и роль экономического фактора огромна, и со временем, как правило, она затмевает первоначальный политический импульс: дешевая рабочая сила, переброшенная по усмотрению субъекта депортации в нужное для него место и время. Полян отмечает очевидную связь между вспышками принудительных миграций и историческими катаклизмами, например мировыми войнами²⁵. Пики принудительных миграций в СССР в 1920–1952 гг., как показывает исследование П. Поляна, приходились именно на «катастрофические годы» – 1930–1931 и 1941–1942 гг.²⁶ Однако приведенная автором сводная статистическая таблица говорит о том, что депортации использовались советской властью как постоянный метод разрушения особо устойчивых, сложившихся на протяжении столетий социальных и национальных общностей. Исторические катаклизмы, безусловно, усиливали желание власти решать неразрешимые в рамках имперско-советской парадигмы проблемы методами чрезвычайщины, но не они определяли приоритетность подобных методов социального «управления». Решение о депортации чеченцев и ингушей, спровоцированное и обоснованное конкретными обстоятельствами места и времени, было лишь экстремальной попыткой справиться с проблемой, возникшей задолго до не только Второй мировой войны, но и прихода к власти большевиков: высокая внутренняя устойчивость этноса, его «неудобность», способность противостоять не только имперской ассимиляции и «абсорбции», но и советской атомизации социальных и этнических общностей; высокий уровень открытого противодействия и готовность идти на насильственное обострение конфликта.

В довоенный период коммунисты так и не сумели «осоветить» вайнахов. Спущенные сверху организационные формы – колхозы и институты управления – успешно наполнялись старым содержанием и «переваривались». Местная власть выполняла свои функции лишь постольку, поскольку это укладывалось в привычную норму, установленную вековыми традициями и обычаями. Побочным (а с точки зрения «имперского» алгоритма советской власти – основным) результатом депортации должно было стать «распыление» этноса, что в конечном счете открывало путь к его «советизации», «интернационализации», замене этнической идентичности на самоидентификацию с властью, ее целями и ценностями. Оставить человека наедине с властью, вне этнической и социальной самоорганизации, – в этом и была суть советской версии патерналистской «имперской» утопии, в принципе недостижимой без насилия, но даже и с насилием – невыполнимой.

Важно, что сами депортированные чеченцы и ингуши воспринимали враждебную им политику советского государства прежде всего в категориях этнического конфликта. Как показывают многочисленные высказывания вайнахов в ссылке, собранные агентурой НКВД, а затем МВД СССР, «наказанный народ» связал свою трагедию со старым убеждением (предубеждением?!): «Русские всегда были и будут нашими врагами, поэтому при всяком удобном случае им надо мстить»²⁷, а сталинскую диктатуру отождествил с «русскими». Депортацию чеченцы называли ограблением и уничтожением вайнахов²⁸, считали ее продолжением коварной царской политики (при царизме «предполагалось переселить кавказские племена, но не удалось, а теперь только при советской власти удалось»²⁹). И раз власть «не разбирает виновных и невиновных» («нас выслали вместе с семьями бандитов», «нас выслали как людей антисоветских»), то «такими мы и должны быть»³⁰. А по оценке более образованных чеченцев, сталинская политика значительно превосходила царскую своей жестокостью и коварством.

«Наказанные народы» и много лет спустя после депортации пытались объяснять конфликт с властью в привычных им понятиях персонифицированной «вражды-мести». «Берия, — говорилось, например, в одном из многочисленных заявлений 1953 г. на имя Г. М. Маленкова и К. Е. Ворошилова, — благодаря своим враждебным отношениям к нам, Вас информировал о нас о том, чего не было на самом деле. Существенный факт во всем этом был угон грузинской баранты чеченцами и несколькими ингушами через границу ингушей и убийство при этом племянника Берия»³¹.

Во время пребывания в ссылке ненависть к чуждой власти перерастала даже у представителей чеченской и ингушской партийно-советской элиты в парадоксальные идеологемы: страданиями вайнахов Советы оплатили укрепление своих внешнеполитических позиций, сама депортация, оказывается, была осуществлена «по предложению английского правительства, которое за свою помощь советскому правительству потребовало одну из территорий Кавказа»³², а русские выселили чеченцев в Казахстан не только из-за сотрудничества с немцами, но и «боясь нападения Турции»³³.

Как бы ни оценивали и ни объясняли причины депортации власть и сами чеченцы и ингуши, суть конфликта была глубже сиюминутной политической целесообразности, «справедливого наказания», «вражды-мести», «ненависти русских к чеченцам» и т. п. Сплоченный, организованный, живущий по традиционному укладу и достаточно воинственный этнос плохо поддавался атомизации, он совершенно не вписывался в нужную коммунистам и свойственную советскому обществу «аморфность социальных общностей», при которой «одиноким человек ищет прибежища у власти»³⁴. Не справившись с ситуацией на Северном Кавказе, тактически и стратегически запутавшись, коммунистическое руководство попыталось «переварить» неудобный этнос достаточно отработанным способом. Вайнахи были лишены своего статуса в национально-государственной иерархии, оторваны от корней и удалены на безопасное расстояние от постоянного места проживания. Однако на вызов власти чеченцы и ингуши ответили в конечном счете не атомизацией, а этнической консолидацией, укреплением традиционного противостояния России в национальном самосознании, конфликтным переживанием тождества между «русскостью» и «советскостью».

2.2. Стресс адаптации и кризис административного попечительства

Дорога в изгнание была тяжким испытанием. Зима, холодные, набитые людьми теплушки. Как вспоминают очевидцы, первые три дня двери оставались закрытыми днем и ночью, видимо, боялись побегов. С точки зрения НКВД, транспортировка контингентов до места расселения и погрузки прошла нормально, без особых происшествий («все эшелоны проследовали благополучно»³⁵). 21 марта 1944 г. начальник Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР М.В. Кузнецов докладывал зам. наркома внутренних дел В. В. Чернышеву: «По состоянию на 21 марта 1944 г. всего в Казахскую и Киргизскую ССР прибыло и разгружено 180 эшелонов с общей численностью 494456 человек... В пути следования... умерло 1361 человек, или 0,27 %, госпитализировано 1070 человек»³⁶. Период «разгрузки эшелонов и перевозки спецпоселенцев в места расселения» также «прошел спокойно, без каких бы то ни было эксцессов»³⁷. В докладных записках и спецсообщениях наверх НКВД информировал лишь о немногих неприятных для него инцидентах (вооруженное нападение на охранника и т. п.³⁸). Однако на самом деле не всё шло так гладко, как докладывали. Недаром циркуляр НКВД СССР № 275 от 29 декабря 1944 г. ориентировал на розыск спецпереселенцев, и в первую очередь с Северного Кавказа, бежавших из эшелонов³⁹.

Почти полное отсутствие иных форм сопротивления (кроме побегов) достаточно взрывного этноса свидетельствовало о тяжелейшем шоке, пережитом вайнахами. Самым трудным психологическим испытанием, многократно усиленным голодом, холодом и всевозможными лишениями, был удар, нанесенный по традиционному укладу жизни, пропитанному обычным правом, системой жестких условностей и запретов. Ситуация переезда взломала по крайней мере три основополагающих положения традиционного мироустройства чеченцев и ингушей: отношение к женщине, старшим и мертвым. Женщине пришлось вести жизнь на виду, старики были унижены и поставлены в один ряд с другими членами общины, мертвые – брошены на произвол судьбы. Переселенцам пришлось искать выход из сложнейших психологических коллизий. «Под дулами солдат, – сообщает очевидец, – наш глубоко целомудренный народ, прикрывшись одеждой, мужчины, старики, женщины, девушки рядом, выстроившись вдоль вагона, оправлялись как могли...»⁴⁰. Заболевших и умерших скрывали, поскольку в пути не могли похоронить их достойно, а это самое страшное для ингушей и чеченцев⁴¹. Людям разных фамилий, без различия пола и возраста, пришлось долгое время скученно ехать в вагонах. Отцы девушек, «не желая иметь конфликты в пути из-за женской чести с кем бы то ни было, сейчас же сговаривались с отцами парней и отдавали своих дочерей за них, просто распределив их между ними. Так в пути были совершены тысячи вынужденных браков из опасения конфликтов, которые имели бы очень трагические результаты»⁴².

9 июля 1944 г. Л. Берия доложил Сталину: «Органами НКВД в феврале и марте месяцах 1944 г. было переселено на постоянное жительство в Казахскую и Киргизскую ССР... чеченцев и ингушей – 496460 чел.»⁴³. (Заметим в скобках, что в официальных докладных записках НКВД приводятся всё время разные данные о количестве депортированных. Наркомат, «ответственный за чеченцев», на самом деле вел счет по крайней мере на тысячи, явно подгоняя итог под запланированные цифры.) После массовой высылки чеченцев и ингушей всех, кто принадлежал к «наказанному народу», продолжали «вычищать»: из других мест проживания, из армии, по освобождении из мест заключения...

Закончив депортацию, государство озаботилось налаживанием механизмов контроля за «опасными» этносами. На новом месте спецпоселенцы должны были постоянно находиться

под наблюдением спецкомендатур. В период ссылки действовали так называемые «ограничения по спецпоселению» – система пропусков, запрет на свободу перемещения, систематические «проверки наличия» в спецкомендатурах, другие жесткие способы полицейского контроля⁴⁴. Спецпоселенцы могли передвигаться лишь в радиусе 3 км от своего места проживания, населенные пункты были разбиты на десятидворки, во главе которых были поставлены старшие. Каждые десять дней они должны были отчитываться перед комендантом. На подавление наиболее активной и опасной для властей части чеченцев и ингушей была направлена отработанная система репрессий – как политических, так и уголовных⁴⁵.

Казалось бы, патерналистская утопия Советов стала наконец явью, и ситуация находится под полным контролем властей. В жизни, однако, всё выглядело иначе, иногда совершенно иначе, чем в бюрократических предначертаниях властей предержащих. НКВД Казахской ССР практически с первых дней по прибытии депортируемых в места расселения принялся сообщать в Москву о «возрастающей активности враждебных и бандитских элементов из числа спецпереселенцев Северного Кавказа, идущей по линии открытых угроз террором, восстанием, бандитизмом»⁴⁶. Согласно этим донесениям, «отдельные антисоветские и бандитские элементы... сразу же после устройства в местах расселения начали терроризировать местное население и руководство колхозов»⁴⁷. Трудно точно определить степень объективности подобных сигналов наверх. Сообщения областных управлений НКВД звучали более сдержанно. Так, из Семипалатинской области сообщали: «Прибывшие и расселенные чеченцы антисоветских и других отрицательных настроений открыто в ходе операции не проявляли»⁴⁸. В то же время собранные официальным и агентурным путем сведения, «пока малочисленные», свидетельствовали о наличии среди чеченцев «резких антисоветских настроений, недовольств, тенденции к сговору для бандитских действий, к побегам, к воровству скота и др.»⁴⁹.

Подобные настроения и неизбежные действия «наказанного народа» с самого начала ставили под вопрос патерналистские устремления власти. И дело было не только и, может быть, даже не столько в агрессивном и вполне понятном ответе вайнахов на депортацию. По приезде в места ссылки перед чеченцами и ингушами неизбежно встал вопрос о статусном самоопределении и самоутверждении в достаточно враждебной для них среде, о борьбе за ресурсы и выживание.

В июне 1944 г. начальник Управления НКВД Южно-Казахстанской области отмечал: «Установлены многочисленные факты провокаций и необоснованных обвинений спецпереселенцев в том, что будто бы значительная часть из них занимается уголовной преступностью. В подтверждение достаточно привести ряд фактов по Тюлькубасскому району. В мае по району был распространен слух, что чеченцы зарезали председателя колхоза им. Амангельды и перерезали горло председателю колхоза «Сартур». При проверке оказалось, что ни того, ни другого случая не было. Заведующий подсобным хозяйством шахты «Кельтемашат» заявил, что чеченцы занимаются стрижкой колосьев. При проверке ворами оказались корейцы, пойманные на этом преступлении с поличным. Из колхоза «Октябрь» в милицию был подан ряд жалоб [о том], что чеченцы занимаются стрижкой колосьев. Организованной засадой на месте преступления пойман зав. фермой того же хозяйства – казах. Председатель колхоза «Джумуске Бригада» подал заявление, что чеченцы украли у него выездного жеребца. Принятыми мерами с украденным жеребцом были пойманы 2 вора-рецидивиста – по национальности русские»⁵⁰.

Местное население относилось к переселенцам крайне подозрительно, а в отдельных случаях отношение было «явно враждебным, сопровождавшимся незаконными действиями, издевательствами и расправами»⁵¹. Во многих районах колхозное руководство настроено было также весьма недоброжелательно. Примеры такого рода приводились в докладных записках местных органов НКВД. Так, ряд председателей колхозов Курдайского и Меркенского районов

Джамбульской области заявляли, что спецпереселенцы – чеченцы и ингуши – в колхозах будут только балластом, вместо работы они будут заниматься грабежами. «Народ опасный и неполезный советскому строю», – так заявил один из председателей колхоза⁵². В Верх-Убинском районе той же области на заседании Мало-Убинского сельского исполкома председатели колхозов в 1945 г. настояли на официальном принятии следующего решения: «Заслушав вопрос о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев-чеченцев, председатели колхозов Мало-Убинского сель[ского] исполкома постановили, что со стороны нас никакой помощи не будет, и пусть они не надеются на колхозы, а нанимаются работать к колхозникам»⁵³. Проблема рабочих рук, по-видимому, не особенно волновала местное начальство. Всё равно не было семян, чтобы засеять новые земли. Местное население, местная власть практически сразу определили вайнахов как опасный этнос, пытаясь идеологически оправдать дискриминацию чеченцев и ингушей и саботаж прямых указаний Москвы о распределении дополнительных ресурсов именно среди спецпереселенцев.

НКВД «оформлял» свое видение конфликтной ситуации в привычных оперативно-чекистских формулировках вроде «обактивления антисоветских и бандитских элементов». Но и в этих документах все-таки отражено понимание объективных причин, толкавших народ на агрессивное поведение в борьбе за ресурсы. В отчетах НКВД трудности адаптации спецпереселенцев, вынужденных вести борьбу за выживание, расшифровываются как главная причина разных форм «антисоветского» и криминального поведения. Но даже не склонная к сантиментам власть вынуждена была констатировать, что адаптация спецпереселенцев к новой жизни проходила в невероятно тяжелых условиях. Запаса продуктов, взятых с собой, хватило ненадолго. Казахстан и Киргизия сами страдали от недорода. В официальных документах фиксировались факты потребления в пищу трав и кореньев, заболеваний на почве истощения и безбелковые отеки⁵⁴. В Киргизии в 1944 г. и первой половине 1945 г. из-за нехватки продуктов, отсутствия помещений и кормов спецпереселенцам пришлось забить до 90 % скота, полученного от государства в «порядке возмещения за оставленный ими в местах прежнего жительства»⁵⁵.

То, что выделялось для спецпереселенцев сверху, очень часто использовалось не по назначению. «В Казалинском районе Кызыл-Ординской области, по распоряжению райкома и райисполкома, из продовольственных фондов, предназначенных спецпереселенцам, одну тонну хлеба выдали местному партактиву, 6 тонн выдали не спецпереселенческим семьям»⁵⁶. Похожая ситуация была и в других районах. Председатель колхоза «Токтогул» Базар-Курганского района израсходовал 150 кг муки из фонда спецпереселенцев на общественное питание местных колхозников, оставив 62 вайнахские семьи без продуктов. Председатель колхоза «Новый быт» того же района недодал спецпереселенцам 120 кг муки, использовал их на нужды колхоза. В колхозах «1 Мая» и «Бешфадаш» Базар-Курганского района продукты выдали только трудоспособным спецпереселенцам, а нетрудоспособных лишили пайка. Оставшееся продовольствие израсходовали на нужды колхоза⁵⁷.

Среди спецпереселенцев свирепствовала эпидемия тифа⁵⁸. Подавляющее большинство депортированных оказались в состоянии «подселенных» или вынуждены были ютиться в бараках и землянках. Значительная часть материалов, выделенных на строительство домов, утекла на другие надобности. «Только по распоряжению Совета Министров Киргизской ССР из спецпереселенческих фондов 1944 г. было выдано разным организациям и учреждениям: леса – 497 куб. метров, оконного стекла – 2374 кв. метров, гвоздей – 33 тонны»⁵⁹. Хотя Совет министров Киргизской ССР неоднократно выносил решения о «восстановлении неправильно использованных фондов стройматериалов», но стройматериалы так и не попали по назначению⁶⁰. Не по назначению использовались и денежные ссуды, предназначавшиеся для строи-

тельства домов. Зачастую ссуды выдавали правлениям колхозов, где были расселены спецпереселенцы, а они расходовали полученные деньги по собственному усмотрению. Отдельные работники банков допускали прямые злоупотребления при оформлении и выдаче ссуд спецпереселенцам. В Ленинопольском районе Таласской области агентурным путем было установлено, что управляющий районным отделением Госбанка, кредитный инспектор по выдаче ссуд и охранник систематически вымогали взятки у спецпереселенцев, получавших ссуды⁶¹.

Многочисленные конфликты между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и местным населением и местной властью – с другой, ограничивали патерналистские устремления московского начальства. В 1946 г., подводя итоги двух прошедших лет, МВД Киргизии докладывало наверх о своей постоянной борьбе с местной властью. За 1944–1945 гг. и первое полугодие 1946 г. в ЦК КП(б) Киргизии и Совет министров Киргизской ССР было направлено 15 спецсообщений «о положении спецпереселенцев и фактах издевательства, грубого и пренебрежительного отношения к ним». Четырежды МВД Киргизии информировало ЦК КП(б) Киргизии и Совет министров Киргизской ССР о случаях «грубого, пренебрежительного отношения, доходящих до издевательства» над спецпереселенцами со стороны руководящих работников Алабукинского района Джалал-Абадской области. Постановлением ЦК КП(б) Киргизии от 27 октября 1945 г. за издевательское отношение к спецпереселенцам, которое имело место в районе, лишился своей должности секретарь райкома партии, а заместитель председателя райисполкома, народный судья, несколько председателей сельсоветов и колхозов были сняты с работы и отданы под суд⁶².

Постоянные хищения и неправильное использование фондов продовольствия, скота, строительных материалов и денежных ссуд, выделенных для спецпереселенцев, заставляли органы НКВД-МВД решать сугубо экономические проблемы агентурно-оперативными методами. В Киргизии была, например, создана специальная «секретно-осведомительная сеть в соответствующих организациях, занимающихся распределением и реализацией вышеуказанных фондов»⁶³.

Особенно сложной была обстановка в Казахстане, куда сослали большинство вайнахов. В мае 1944 г. в Казахскую ССР был отправлен московский ревизор – заместитель наркома внутренних дел С. Круглов с группой работников НКВД СССР. Команда Круглова должна была проверить на месте, как выполняются решения ГКО и ЦК ВКП(б) по хозяйственно-бытовому и трудовому устройству спецпереселенцев. В инспекции принимали участие ответственные работники ЦК КП(б) Казахстана и местного Совнаркома. «Марш-бросок» по наведению порядка в «трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев» в Казахстане, если судить по докладным запискам наверх, коснулся чуть ли не каждой вайнаховской семьи⁶⁴.

Проверка дала неутешительные результаты. Хозяйственные организации, совхозы и колхозы, а также «отдельные партийно-советские органы» «не учли», оказывается, национальных особенностей и «не поняли подлинного смысла переселения», который, впрочем, в момент завершения операции «Чечевица» им никто толком и не объяснил. Партийные и советские начальники на местах были смущены и дезориентированы. Кажется, Москва больше не велела относиться к чеченцам и ингушам как к врагам народа. За что же их тогда сослали? И как к ним теперь относиться?

«Пожарная команда» из центра пыталась выступить в роли проводника патерналистской политики правительства. Местные органы НКВД были ей в этом плохими помощниками. Они успевали лишь регистрировать факты неудовлетворительного устройства спецпереселенцев и писать сводки и спецсообщения в партийные и советские органы⁶⁵. Московские же ревизоры попытались вникнуть в «хозяйственные мелочи». Местным партийным и советским органам было предложено (через ЦК КП(б) и СНК Казахстана) «провести в местах расселения спецпереселенцев учет всех пустующих домов и передать их в собственность нуждающимся», «обес-

печить всех спецпереселенцев – членов сельхозартелей трудовыми колхозными книжками и установить контроль за полным внесением в книжки отработанных трудодней». Присматривать за выполнением этого распоряжения поручили «своим» – спецкомендатурам. Они должны были систематически проверять «правильность отметок». Под контроль НКВД были взяты и пункты выдачи продовольствия спецпереселенцам. Там установили постоянные дежурства работников НКВД. За замеченные злоупотребления было велено тут же, как говорится, на месте преступления, привлекать к уголовной ответственности. По требованию московских ревизоров бывшие партийные и советские руководители Печено-Ингушской АССР, до сих пор остававшиеся без дела, были вызваны в ЦК КП(б) Казахстана на совещание и получили направления на работу⁶⁶.

В предвидении суровой казахской зимы НКВД по инициативе комиссии Круглова бьет тревогу («подавляющее большинство чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, особенно женщины и дети, одеты исключительно плохо, ходят в тряпье, а дети почти голые») и просит выделить для спецпереселенцев с Северного Кавказа один миллион метров хлопчатобумажной ткани «на пошивку одежды»⁶⁷. НКВД возражает против мобилизации спецпереселенцев для работы в Карагандинском угольном бассейне. Во всяком случае, требует отложить ее проведение, поскольку там не готовы к приему нового контингента. Наркомат внутренних дел предлагал запретить трудовые мобилизации спецпереселенцев с Северного Кавказа и их переброску из мест постоянного расселения, а если и проводить такие мобилизации, то только «по указанию и с разрешения НКВД СССР»⁶⁸.

В сферу интересов НКВД попали даже вопросы народного образования. Команда Круглова предлагает обучение «производить на русском языке», а в качестве своеобразной компенсации за принудительную русификацию «позволить разрешить» детям спецпереселенцев обучаться в средних и высших учебных заведениях на территории Казахской ССР. «Право разрешать» следовало предоставить, конечно же, республиканскому НКВД⁶⁹.

«Решив», а точнее, бюрократически очертив в ходе марш-броска Круглова круг хозяйственных и организационных вопросов, связанных с обустройством спецпереселенцев, НКВД занялся собственно полицейскими задачами – погасить все очаги сопротивления, как имеющиеся в наличии, так и находящиеся в латентном состоянии. В результате проведения масштабных оперативных мероприятий в течение июня 1944 г. было арестовано 2196 спецпереселенцев, из них: «антисоветского и бандитского элемента – 245 чел., за скотокрадство и кражи – 1255 чел., за побеги с мест расселения – 448 чел., за нарушение общественного порядка и режима – 248 чел.»⁷⁰ Таким образом, около 60 % всех преступлений относились к категории обычных для чеченского и ингушского этноса и были связаны с традиционной культурой выживания в экстремальных условиях.

В ходе проверки было выявлено, что «в ряде мест спецкомендатуры НКВД организационно были построены неправильно»⁷¹. Специальных комендатур НКВД по «обслуживанию» чеченцев и ингушей создано не было⁷². Вайнахами поначалу занимались общие комендатуры. Команда Круглова рапортовала о создании 429 специальных комендатур. Была проведена реорганизация районных аппаратов НКВД. Спецпереселенцы – бывшие сотрудники НКВД, НКГБ и милиции были взяты на особый учет. Некоторых направили на работу в органы НКВД заниматься «обслуживанием» спецпереселенцев с Северного Кавказа⁷³. Круглов пришел к выводу, что агентурно-осведомительная сеть по спецпереселенцам, состоящая из 1814 чел.⁷⁴, недостаточна для решения полицейских задач. Через некоторое время московский эмиссар рапортовал, что численность агентуры увеличена почти в три с половиной раза (6391 чел.)⁷⁵. Понятно, что столь быстрый «рост» был, по сути дела, обычной бюрократической показухой.

Всплыли наружу трения между НКВД и республиканскими партийными и советскими органами, вызванные двойственностью сложившегося положения: всё должно быть под контролем НКВД, но практическую работу выполняют местные хозяйственные и партийные организации. Последние же в силу объективных причин – война, голод, десятки тысяч неустроенных людей – и особенностей советской бюрократической машины просто не могли быстро наладить жизнь спецпереселенцев, слишком много усилий и времени требовалось на постоянные согласования. Любая мелочь, например производство каких-нибудь выюшек для печей, превращалась сначала чуть ли не в проблему общегосударственной важности, а затем требовала для своего решения вмешательства «высших сил». Фонды на кожу для производства обуви для спецпереселенцев следовало выбивать в самой Москве. Но, даже произведя эту обувь, ее, оказывается, невозможно было распределить. Действующий механизм ценообразования приближал стоимость конечного продукта чуть ли не к рыночным ценам. И пока шла затяжная переписка о ценах (конечно же, с Москвой и Алма-Атой), необходимая спецпереселенцам обувь без движения валялась на складах⁷⁶.

Все эти и многие другие факты свидетельствовали о недостижимости патерналистской мечты коммунистов, демонстрировали громоздкость и неэффективность государственной машины, неспособной функционировать без постоянных волевых импульсов центральной власти в режиме самонастройки. При этом внутренние импульсы работы отдельных звеньев партийного и государственного аппарата среднего и низшего уровня явно диссонировали со стимулами работы центральной власти. Решения Москвы фактически были для местных властей и чиновников системой вызовов, к которым нужно было приспособиться, которые следовало пережить и перетерпеть. Больше того, едва дамоклов меч присланных Москвой ревизоров, подобно качающемуся маятнику, уходил в сторону, эти решения, оказывается, было совсем не обязательно выполнять.

2.3. «Второй авторитаризм»: механизм этнической саморегуляции чеченцев и ингушей на спецпоселении

Попытки бюрократической регламентации жизни «наказанного народа», основанные на симбиозе насилия и попечительства, не имели бы сколько-нибудь серьезных шансов на успех даже при полной пассивности вайнахов. Власть явно переоценила способность региональной и даже центральной партийно-советской бюрократии выполнять «попечительские» функции, т. е. принять на себя заботу о выживании чеченцев и ингушей. Несмотря на множество распоряжений, на выделение централизованным порядком питания, обуви, одежды, денежных ссуд и т. п., несмотря на мифический тотальный контроль со стороны НКВД, ресурсы непостижимым образом распылялись и таяли на пути к конкретной вайнахской семье. Природа советской бюрократической системы гасила и ограничивала ее собственные патерналистские усилия.

А было еще и сопротивление самого народа, этнически и конфессионально организованное. В Казахстане и Киргизии столкнулись два авторитаризма – управляющий всей страной и руководящий жизнью отдельного сообщества. Хотя у первого в руках был весь аппарат государственного насилия, а у второго – лишь сила традиции и веры, регламентирующие усилия советского государства так и не смогли пробиться через барьеры, воздвигнутые этнической культурой, религиозным авторитаризмом и законами адата. Власть видела только вершину айсберга – мусульманскую общину в ее взаимоотношениях с внешним миром, но не понимала, а чаще всего даже и не пыталась понять внутреннюю жизнь этого специфического сообщества.

В любом случае этнос, чтобы выжить, должен был сам позаботиться о себе. В экстремальной ситуации голода и лишений единственным критерием отбора способов выживания была их эффективность. В ссылке возродился старинный суд – «кхел», на котором старейшины родов разрешали все конфликтные ситуации. Старики в заботе об этническом самосохранении провозгласили жесткий запрет на смешанные браки. Активизировались механизмы помощи слабым семьям, сиротам, безмужним. Обычными стали «белхи» – когда всем миром в воскресный день делали что-то для нуждающегося, складывались – деньгами, трудом⁷⁷.

В борьбе за выживание вайнахи использовали и все способы привычного агрессивного диалога с властью и этническими конкурентами. Когда голод становился смертельным, вспоминают очевидцы, «собиралась община, и старший предлагал любой ценой достать корову или лошадь, чтобы спасти жизнь остальным. Тогда находился кто-то, кто сознательно шел на такой грабеж. Потом его сажали в тюрьму отбывать срок, порой он пропадал без вести, но все знали, что он пошел на это, чтобы сохранить им жизнь»⁷⁸. Всё, что считалось у ингушей безнравственным вчера, рассказывает Аза Базоркина, «воровство, ложь, хитрость, изворотливость, – сегодня допускалось. Ради цели выжить разрешалось всё!»⁷⁹

Тон относительно «мирных выступлений» (просьбы ускорить устройство на работу, принять в колхоз, жалобы на недостаточность установленной нормы снабжения, отказ от работы «под предлогом недостаточного питания», коллективные обращения к власти в связи с неустроенностью) очень быстро сменился на более резкий. Вайнахи всё активнее брали на вооружение тактику запугивания местной власти и жителей, прямую агрессию, выливавшуюся в различные формы криминального и полукриминального поведения. В документах всё чаще фиксировались случаи группового отказа от работы, угрозы избиения представителей колхозов, драки, скотокрадство, мелкие и крупные хищения. Отдельные спецпереселенцы открыто заявляли местному населению: «Вот мы немного обживемся здесь, тогда покажем, кто такие чеченцы и как надо переселять; в колхозах все равно работать не будем». «Если нам не будут выдавать продукты на питание, тогда мы будем воровать у колхозников скот, нас здесь все боятся, в ночное время никто даже не выходит на улицу» (Жарминский район Семипалатин-

ской области). «У местного населения много скота, пока что займемся воровством, а там видно будет»⁸⁰.

В отдельных районах спецпереселенцы самовольно занимали участки земли под огороды. Время от времени конфликты с местным населением приобретали насильственные формы. Иногда в ответ на этническую агрессию чеченцев местные жители также начинали действовать солидарно. 10 июня 1946 г. в колхозе «Ленинский путь» Сталинского района Акмолинской области после вечера колхозного актива (на котором произошел скандал между местными жителями и чужаками) толпа местных колхозников числом до 40 человек во главе с группой фронтовиков и при участии председателя колхоза вооружилась ломами, топорами и ружьями, учинила погром жилищ спецпереселенцев, выбив во всех квартирах окна. Одну из квартир подожгли, а двух участников скандала на вечере убили⁸¹.

Порой сотрудникам НКВД казалось, что проблема конфликтного поведения вайнахов имеет привычную конфигурацию: в качестве катализатора или «дрожжей» девиантных действий выступают участники банд, действовавшие на территории Чечено-Ингушской АССР и попавшие под депортацию. Отдельным спецпереселенцам удалось провезти с собой в ссылку даже огнестрельное оружие. Во время обысков женщины прятали его у себя. Все чеченцы и ингуши были в той или иной мере осведомлены об оперировавших в горах Чечни бандитских группах. Некоторые имели связь со своими родственниками, оставшимися на Кавказе. Осведомленность о действующей в Чечне банде исходила также от тех вайнахов, которые в свое время скрылись в горах, а затем легализовались и попали в Казахстан уже после массового выселения. Однако проблема массового неповиновения имела не только и не столько «бандитские» корни. Власть чувствовала, что за этими обыденными фактами повседневной жизни депортированного народа стоит единая и враждебная воля, которую связывала с деятельностью «реакционных мулл». Среди спецпереселенцев распространялись слухи о предстоящем возвращении на Кавказ, призывы сопротивляться трудовому и хозяйственному устройству, уклоняться от постройки домов, убивать выданный на хозяйственное устройство скот и т. п.

Попытки оценить ситуацию в привычных НКВД-МВД понятиях – «вредительство», «провокация», «антисоветская агитация и пропаганда», «контрреволюционная организация» – в ряде случаев просто заводили в тупик. Более дальновидные полицейские чиновники вынуждены были признать, что наказывать чеченцев и ингушей за уклонение от работы нецелесообразно, в результате эти «проявления» только примут массовый характер⁸², заработает естественный защитный механизм, единое монолитное сообщество поведет себя как один человек – всех не накажешь! Не помогали даже аресты религиозных авторитетов. Эффективная по отношению к «русскому бунту» тактика изъятия «зачинщиков» ничего не давала. Мусульманская община самовоспроизводилась. Появится новый мулла – и всё начинается сначала.

Власть явно недооценила исламизацию вайнахов. Религиозные чувства не были включены в перечень элементов, имеющих особое значение для советской власти. Она просто не знала, что с этим делать. Тем более что «религиозные проявления» носили массовый характер, а адепты ислама были истинно привержены своей религии и традициям. К тому же вайнахи, исповедовавшие суфизм, были обособлены даже от местных мусульманских общин, с которыми власти уже наладили определенные отношения. Чеченцы не посещали мечети и молитвенные дома, устроенные коренными жителями, а моления старались проводить на частных квартирах.

Традиционно высокая степень этнической консолидации чеченцев и ингушей, всегда остро переживавших дихотомию «мы – они» в противостоянии враждебной «русской власти», в 1944 г. была многократно усилена трагедией депортации. Экстремальные условия вызвали всплеск родовой и религиозной активности и объединение этноса вокруг неформальных авторитетов, всегда находившихся в естественной оппозиции к «неверным». Переселение прово-

дилось целыми селами и районами, что «совпадало с их „тейповым^ и „родовыми" укладами». Поэтому в местах поселений «тейповая и родовая связь не только сохранилась». Под влиянием выселения она еще более укрепилась⁸³. Если семья была разобщена в результате переселения, ее члены предпринимали всё возможное, чтобы восстановить нарушенное единство. Вайнахов ничто не могло в этом остановить – ни запреты, ни наказания, они перемещались в местах расселения в поисках утраченных членов семей, были в бегах, до тех пор пока не находили их, и лишь тогда оседали. Много подобных «значащихся в бегах» было найдено во время «переписи спецпоселенцев» в 1949 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.